

Т.-Ю. Рефельд

Т. фон Клейст в Кёнигсберге

Тенрих фон Клейст, находившийся с июня 1804 года в очередной раз в прусской столице, подчинился желанию семьи и прилагал усилия, чтобы получить место в прусском правительстве. Он просил о поддержке генерал-адъютанта короля Карла Леопольда фон Кекрица (1762—1821). Тот хотя и сообщил ему, что «король придерживается принципа не протезировать переходящих из военного ведомства в гражданское» [7, S. 319], дал совет обратиться к королю письменно. В двух не сохранившихся посланиях Фридриху Вильгельму III (1770—1840) Клейст обращается с официальной просьбой «о милости... тем языком... который не заставит меня раскаяться в этом» [7, S. 324] найти ему какое-либо применение. Прошение Клейста сначала было отклонено, но в августе он узнал, что король принял его предложение по поводу службы, не преминув упомянуть, что ему не следует «в третий раз ставить на карту милость короля» [7, S. 332], о чем Клейст написал своей сестре.

Это прошение было поддержано Кристианом Массенбахом (1758—1827), с которым Клейст впервые столкнулся во время своей армейской службы в Потсдаме. Рожденный в Шмалькальдене, Массенбах посещал военную школу замка Солитюд близ Штутгарта, входил в круг знакомств Фридриха Шиллера (1759—1805), чье становление как писателя приветствовал с большой симпатией. «В мыслях своих я был с Вами, и гений Ваш, должно быть, тысячу раз говорил Вам, каким доверительным было мое к Вам отношение. Ведь как только появлялось Ваше новое произведение, как молния стремился я к нему и возжигал светильник моего духа от огненного моря Вашего. Как часто вселяли Вы в меня энтузиазм!» — писал он в декабре 1790 года Шиллеру [11, S. 50]. К 1804 году Массенбах давно сделал карьеру на прусской службе. Получив от Фридриха II патент лейтенанта в Генеральном штабе, он преподавал, публиковал математические и военные труды и проживал в служебной квартире в Потсдаме, в «Ecole de Génie» у Нового рынка.

Еще в июле 1788 года Массенбах женился на Амелии Генриетте фон Гвалтьеры, сестре кузины писателя Марии фон Клейст (1761—1831), их

бракосочетание состоялось в гарнизонной церкви Берлина. Клейст часто зааживал в потсдамский дом Фридриха Вильгельма Кристиана фон Клейста (1764—1820) и его супруги Марии и через них познакомился с Массенбахом, однако мы мало знаем об их контактах, поскольку сохранилось лишь одно письмо. В нем Клейст сообщает Массенбаху о том, что Гарденберг «отослал его к Альтенштейну» и оказал ему тем самым «единственное, но и полное благодеяние, которое было необходимо. Если деятельность в сфере государственной экономики действительно является моим призванием, то в Альтенштейне я нашел того, кто возведет меня на вершину служебной лестницы» [7, S. 338].

При посредничестве министра иностранных дел Карла Августа фон Гарденберга (1750—1822) Клейст поступил в подчинение к главному финансовому советнику Альтенштейну. Выходец из франкской области, Альтенштейн, барон Карл фон Штейн (1770—1840), получив юридическое образование, работал в своей первой должности в военной и удельной палате Ансбаха-Байройта под начальством Гарденберга. В приобретенном Пруссией в 1791 году герцогстве Ансбах-Байройт Гарденберг воплощал свои представления об эффективном управлении государством. Это проложило ему путь в центр прусской политики, и когда он был призван в Берлин, за ним последовали многие сотрудники, среди них Альтенштейн, которого характеризовали как обладающего «отменной справедливостью, ловкостью, деятельностью и компетентностью» [13, S. 974]. В апреле 1802 года Альтенштейн был назначен тайным главным финансовым советником, его сфера деятельности во франкском департаменте охватывала таможенные вопросы, сбор вещей для бедных и медицину.

Генрих фон Клейст описывал свое отношение к Альтенштейну, в чей конторе он работал, словами: «Я полюбил этого Альтенштейна» [7, S. 336]. «Поскольку однако Г[енриху] не хватало знаний для подобной работы, м[инистр] Г[арденберг] предложил ему сначала отправиться на год в Кёнигсберг, изучать там камералистику у Крауса и параллельно работать у президента Ауэрсвальда. Если хотите сразу получить место с окладом в 1200 рейхсталеров, вам оно будет предоставлено, но если вы хотите сделать более блестящую карьеру, вам сначала придется пройти обучение, и вы будете получать стипендию. Так он получил 600 рейхсталеров подъемных», — сообщила Ульрика фон Клейст [6, S. 72]. Декретом от 28 апреля 1805 года Клейст был переведен в военную и удельную палату Кёнигсберга. Уже 1 мая он оставил Берлин и 6 мая, с двумя днями опоздания, как он сообщал Альтенштейну, достиг Кёнигсберга. В списке прибывших «Королевской государственной военной и мирной газеты» отмечен его приезд с пояснением, что Клейст остановился в «отеле де Русси» у Грегуара на Кервидергассе (позже эта улица стала именоваться Театерштрассе).

Кёнигсберг, чье удачное положение определялось прежде всего торговлей между Востоком и Западом и чье купечество экспортировало польское,

балтийское и русское зерно в западные страны, а в восточные области поставляло мануфактурные и колониальные товары из Лондона и Амстердама, был центром раннего прусского реформистского движения. Торговые ограничения различного рода создавали затруднения для купечества и заставляли представителей провинциального чиновничества желать большей независимости от центральных ведомств. Особую роль в процессе реформирования играла Альбертина, ведь она была первым университетом в Пруссии, в котором пропагандировалось учение шотландского философа и эконома Адама Смита (1723—1790). Его основной труд «Исследование о природе и причинах богатства народов», вышедший в немецком переводе в 1776 году, был направлен против экономической политики меркантилизма с ее привилегиями и монополиями. Смит требовал отмены регулирования цен и зарплат, цехов, привилегий и монополий, то есть свободы производителей самостоятельно определять вид и объем продукции. Эти мысли «свободной рыночной экономики» находили особую поддержку именно у кёнигсбергского купечества, но обсуждались они и в чиновничьей среде, и в Альбертине. Среди собеседников Канта были национальный экономист Леопольд Круг (1770—1843), университетский профессор Кристиан Якоб Краус (1753—1807) и высшие чиновники, такие, как Теодор фон Шен (1773—1856), Ганс Якоб Ауэрсвальд и Фридрих Леопольд Шрётер (1743—1815). Л. Круг, опубликовавший в 1805 году работу «Размышления о национальном богатстве прусского государства и о благосостоянии его жителей», относился к важнейшим последователям Адама Смита, чье учение возвещал с кафедры Краус. Поскольку Генрих фон Клейст должен был получить в Кёнигсберге знания, необходимые для карьеры высшего чиновника, слушание лекций Крауса являлось обязательным. Уже 13 мая, то есть спустя несколько дней после своего прибытия в Кёнигсберг, он сообщал Альтенштейну, что посетил первые лекции. Вильгельм Траугот Круг (1770—1842), заведовавший после смерти Канта кафедрой философии, характеризует Крауса как значительнейшего преподавателя университета, описывая его как «маленького, сухонького человечка с косящим и тем не менее одухотворенным взглядом» [9, S. 112].

Кристиан Якоб Краус, в 1770 году оставшийся полным сиротой, был зачислен 13 апреля 1771 года в Альбертину в качестве студента теологии, но уже в 1773 году перешел на юридический факультет. После смерти в 1773 году своего дяди, пастора Бухольца, он остался без какой-либо финансовой поддержки и зарабатывал на жизнь как домашний учитель. Кант, восторженным слушателем которого Краус был с самого начала обучения, принял участие в судьбе молодого человека, дал ему кров и позже устроил на место воспитателя. Иоганн Георг Гаман (1730—1788) также внимательно следил за интеллектуальным развитием Крауса. От него исходят сведения о том, что Краус пытался начиная с 1775 года написать что-либо философское, из переписки мы узнаем, сколько усердия и энергии он вкладывал в каждый свой план и

как из этого постоянно ничего не выходило. И тем не менее Гаман характеризует его как гения в философии и математике [5, S. 205]. Так, Краус собирался принять участие в объявленном академией конкурсе на лучшую работу о первоосновах души, потом его занимала так и не написанная работа «О Пифагоре и его мудрости». Даже подготовка конспектов философских работ, необходимая в связи с предстоящей профессорской должностью, давалась ему с несказанным трудом. Однако благодаря ходатайству Канта Краус стал в 1781 году профессором практической философии в Кёнигсберге и начал свой преподавательский путь с лекций о Гомере и Платоне. С 1780-х годов он усиленно посвящал себя политической экономии, хотя и создавал представление о себе как о «бедном философе, который не знает, что такое деньги и что значит хозяйствовать» [8, S. 288] и еще в 1794 году утверждал, что государственная экономика, собственно, противна его вкусу, но он посредством немалого усердия преодолел это неприятие [8, S. 343]. В качестве образца этого раннего этапа занятий экономическими вопросами сохранилась среди прочего рецензия «О торговле фрахтом городов Кёнигсберга и Эльбинга». По требованию шефа финансового департамента Фридриха Леопольда Шрётера Краус разработал план реформы, касавшейся изучения камералистики в Кёнигсбергском университете, одновременно он перешел в своих лекциях от чисто теоретических вопросов к прусской реальности, которая, с его точки зрения, не предоставляла возможностей для гармоничного соотношения отдельных сословий общества. В 1800 году Шрётер сделал «обязательным для всех студентов, которые хотели бы занять место в этой сфере... получение у Крауса аттестата о том, что они прослушали его лекции с пользой для себя» [8, S. IV].

Клейст описывал профессора следующими словами: «...маленький, невзрачно сложенный мужчина, который сидит на кафедре с крепко закрытыми глазами, и жесты его таковы, словно он кружится на месте; но он сыплет в мир идеи, как говорится, щедрой рукой. Он сорит мыслями, как богач деньгами, полными пригоршнями, и не носит с собой книг, которые обычно на худой случай лежат в сторонке у учителей при публичных лекциях» [7, S. 336]. Такую характеристику мы встречаем не только у Клейста, Ауэрсвальд отмечал, что Краус «испытывал глубокое неприятие авторства» [8, S. V], он предпочитал жить не в мертвых книгах, а в своих учениках. И только после смерти профессора были опубликованы конспекты его лекций, служившие во время прусских реформ учебником целому поколению.

Клейст, который уже во время своей учебы в Виадрине занимался вопросами статистики и так называемой государственной математики, в первые месяцы своего пребывания в Кёнигсберге с увлечением погружился в новую деятельность — читал Адама Смита, разбирался в воззрениях Крауса. В письме Альтенштейну он описывал предстоящую ему деятельность: «Если мне будет дозволено работать еще какое-то время в здешней палате, я окончательно изучу вопрос цеховой свободы (мой любимый предмет). До сих пор занимались лишь устранением злоупотреб-

лений и освобождением ремесла внутри цеховых рамок; но несколько дней назад поступило распоряжение о том, что должна быть введена полная отмена цеховых правил и окончательно восстановлена естественная свобода ремесел» [7, S. 348]. Клейст ссылается здесь на набросок указа, отменяющего цеховые установления в торговле шелком и шерстью, а также в текстильной индустрии Восточной, Западной и Нововосточной Пруссии, который вступил в силу 6 мая 1806 года.

Как долго Клейст, жаловавшийся на «продолжающееся недомогание» [7, S. 347], посещал лекции Крауса, неизвестно. Но в свои последние берлинские годы он снова вспоминает о Краусе. В выходящих с 1 октября 1810 года «Берлинских вечерних листках» появляется так называемый «спор о Краусе». Близкий друг Клейста Адам Мюллер (1779—1829) стал тем, кто уже в 11-м номере, в статье, подписанной «Пс.», вступает в полемику в Краусом, который, по его мнению, был «глубоко мыслящим и хорошо организованным, хотя и несколько медлительным и бесплодным умом», а его перевод Адама Смита явился итогом «справедливого и утомительного усердия» [1, S. 43—44]. Далее Мюллер намекает на то, что Адам Смит, а соответственно, и Краус «отошли в историю», что теорию первого более нельзя понимать буквально и что экономика не может функционировать вне учений о праве и государстве.

На самом деле эта статья была направлена, судя по всему, против учеников Крауса, а именно против Иоганна Готфрида Гофмана (1765—1847), так ее восприняли и современники. В 24-м номере появилась анонимная «антикритика», написанная, вероятно, государственным советником Георгом Генрихом Людвигом Николовиусом (1767—1839): «Сочинение в 11-м номере этих вечерних листков, автор которого, кажется, очень осторожно, но все же не слишком убедительно выступает против покойного профессора Крауса, на самом деле явно направлено против его учеников» [1, S. 95].

Гофман, последователь Крауса в Кёнигсберге, был призван распоряжением правительства от 4 октября 1810 года в качестве ординарного профессора в недавно основанный университет Берлина, заняв то место, на которое рассчитывал Адам Мюллер, получавший после своего возвращения в Берлин щедрые подъемные в размере 1 200 талеров в год.

Но Клейст, который хотел представить в «Берлинских вечерних листках» разные мнения, дал высказаться и противникам Адама Мюллера. В номерах от 22, 23 и 24 октября выходит обширная полемическая статья. Анонимный автор (предположительно, им мог быть ставший предметом критики Гофман) защищает Крауса, утверждает, что тот никогда и не хотел создать собственную теорию, но перенял систему Адама Смита и перенес ее на Прусское государство, посредством чего она нашла доступ к чиновничьим ведомствам.

В сохранившихся письмах из Кёнигсберга Генрих фон Клейст сообщает, что его приняли «с большой добротой». Он представился затем ди-

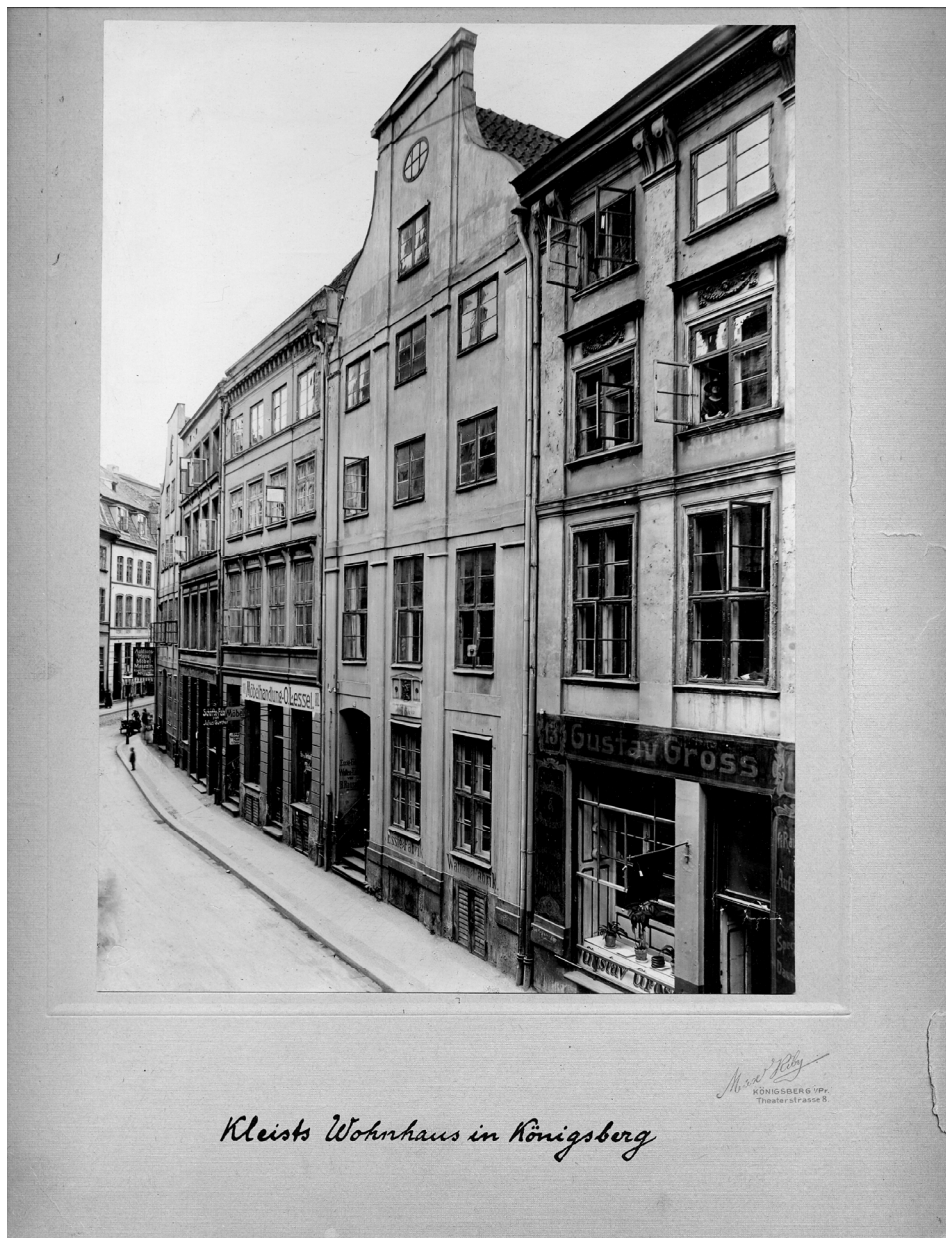
ректору палаты Рудольфу фон Залису (1767—1807): «Он не только сразу любезно предложил мне свои услуги, но и внушил мне, что более ценно доверие, позволившее ими воспользоваться. Ему я обязан отчасти устройством моего маленького хозяйства, он познакомил меня со многими здешними профессорами, ввел меня во все бюро палаты, и сейчас я как раз пришел после разговора с ним. В этой беседе он поделился со мной весьма целесообразным планом о последовательности моих занятий и дел, для исполнения всех целей моей поездки в Кёнигсберг» [7, S. 339].

Мы очень мало знаем об этих «занятиях и делах», известно, что Клейст «ударив по рукам, подтвердил клятву молчания» и что он «за отдельным столом» следил за переговорами [7, S. 340]. Сохранилась и служебная инструкция военной и удельной палаты от 28 сентября 1805 года, которая предписывает «явку на службу к шести часам утра» и подписана Клейстом.

Поначалу он занимался, насколько известно, земельными налогами. Люди, с которыми Клейст общался в Кёнигсберге, хорошо разбирались в этих вопросах, тем более что у большинства из них были собственные загородные усадьбы. Ауэрсвальд, с 1802 года президент восточно-прусской и литовской военной и удельной палаты, расположенной в Кёнигсберге, в том же году отменил крепостное право в своих владениях. Заслужив его и барона Карла Вильгельма фон Шрётера (1748—1819), с которым Клейст также, вероятно, общался, была отмена прусской формы крепостного права: между 1799 и 1806 годами в королевских уделах около 50 тысяч крепостных крестьян стали свободными землевладельцами.

Ауэрсвальд, отличившийся большими заслугами в финансовом и кредитном деле уже во время своей деятельности в военной и удельной палате Мариенвердера, не знал «иного дела, кроме службы, и иного отдыха, кроме образования» [13, S. 28]. В доме его устраивались званые вечера, на которых Генрих фон Клейст был частым гостем. К кругу Ауэрсвальда и его супруги Альбертины Софии Шарлотты (1760—1831), урожденной графини Дона-Лаук, принадлежали Кристиан Якоб Краус, Генрих Теодор фон Шён (1773—1856), Фридрих Август Штегеман (1763—1840) и Иоганн Георге Шефнер (1735—1820). Все они относились к сторонникам радикальных реформ, выступали за отмену всех дворянских привилегий, крепостного права, гильдий и цехов и за полное восстановление свободы ремесел, и после поражения Пруссии под Йеной и Ауэрштедтом принимали активное участие в разработке и проведении реформ Штейна и Гарденберга. Военный советник Шефнер даже видел в связанном с военным поражением крахе Прусского государства позитивный момент: только бедственное положение Пруссии после Тильзитского мира с высокими контрибуционными выплатами, расходами на французские оккупационные войска и нанесенным экономике ущербом обеспечило готовность к реформам.

После юридического обучения в Альбертине и участия в боях Семилетней войны Шефнер стал секретарем военной и удельной палаты в Кёнигсберге, затем исполнял функцию военного и налогового советника и в 1775 году без пенсии оставил государственную службу. Обладая значительным состоянием, он переехал на время в свое поместье, но позднее снова вернулся в Кёнигсберг и купил за 12 тысяч талеров дом, «который располагался в самом живописном уголке города и к которому прилегал значительных размеров двор и сад» [10, S. 237]. В 1806 году он передал его королю за ренту в 700 талеров, а в 1809 году там был разбит ботанический сад. После ухода на пенсию Шефнер посвятил себя литературе. Он был знаком с Готшедом и Лессингом, находился в переписке с Рамлером и Гердером, дружил с бургомистром Кёнигсберга писателем Теодором Готлибом фон Гиппелем и был постоянным гостем в кругу сотрапезников Канта. В 1809 году он распорядился построить у северной стены Кафедрального собора кантовскую часовню *Stoa Kantiana*, прилагал усилия по улучшению народного образования. Шефнер ввел в Пруссии чтение «Друга детей» педагога-реформиста Фридриха Эберхарда фон Рохова (1734—1805) и расширил его за счет подборки других педагогических текстов. Он также прилагал усилия для публицистского распространения идей Ганса фон Ауэрсвальда и барона фон Штейна, переводил Петрарку и Макиавелли и сам занимался литературным творчеством. Его эротическая лирика — «Стихотворения во вкусе Грекура», «Естественность чувственной и сентиментальной любви» — или его анонимно вышедший роман «Эрнст и Минетта» сегодня представляют интерес только с точки зрения истории литературы, в отличие от его еще при жизни опубликованной автобиографии. В ней Шефнер, который, по собственным его словам, не устраивал светских раутов и ограничивал свой круг общения «немногими, но избранными людьми» [10, S. 237—238], вспоминал и о Генрихе фон Клейсте, который часто бывал в его доме. «Поскольку во внешности его преобладало мрачное и странное начало, недостаток речевого органа (заикание. — *Пер.*) придавал его пылкости в остроумных беседах подобие своевольной жесткости, не присущей вообще-то его характеру. Так же как нырлящик, вынырнувший из морских глубин, по крайней мере в первые мгновения не может вспомнить все великое и прекрасное, что он видел в подводном царстве, и не может рассказать об этом, так же и с Клейстом иногда случалось подобное» [10, S. 237—238]. Вспоминает Шефнер и о сестре Клейста, бывшей его Пиладом. Ульрика приехала в Кёнигсберг в середине 1805 года и оставалась здесь до весны 1806-го, она вела с братом совместное хозяйство. В отстроенном заново после пожара 1764 года бюргерском доме на Лебенихтше Ланггассе, 81 (позднее номер изменился на 12) Клейст нашел себе квартиру. Участок простирался до расположенной за ним Клостерштрассе и принадлежал в то время пивовару и церковному предстоятелю Фридриху Готхильфу Коска [4].

Kleist's Wohnhaus in Königsberg

Max Kleist
KÖNIGSBERG i.Pr.
Theaterstrasse 8.

Дом, в котором Клейст проживал в Кёнигсберге, Лебенихтше Ланггассе, 72/81,
позднее — Лебенихтше Ланггассе, 12 / Клостергассе, 9.

Фото из архива музея Клейста

Шефнер наверняка ввел Клейста, снабженного различными рекомендательными письмами, в салон Генриетты Беркли (1774—1840), которая принимала своих гостей в Хинтертрагхейме. У нее собирались представители купечества, служащие университета и правительства, а также актеры и литераторы. К кругу ее гостей принадлежала актриса Генриетта Гендель-Шютц, позднее представлявшая мимические сцены из «Пентесилеи» Клейста, а также писатели Ахим фон Арним и Макс фон Шенкендорф (1783—1817), за последнего из которых она должна была выйти замуж в 1812 году. Наверняка Клейст встречал здесь Шенкендорфа, еще учившегося тогда в Альбертине, а также, возможно, и Арнима, который пребывал в Кёнигсберге с ноября 1806 года. Шенкендорф издавал в 1807 году вместе с Фердинандом фон Шрётером и при содействии Арнима и Фихте журнал «Веста», содержащий резкие выпады против Наполеона. Публикация статьи Шрётера «Национальная слава Германии» привела к запрету журнала органами цензуры. Генриетта Беркли, дочь владельца мельницами, не только держала салон, но и сама выступала в качестве поэтессы. Том ее стихов «Звездные цветы» был собранием восторженных молитв для будничных и праздничных дней.

В Кёнигсберге Клейст встретился и со своей бывшей невестой. Вильгельмина фон Ценге (1780—1852), старшая дочь командира базировавшегося во Франкфурте-на-Одере пехотного полка, в январе 1804 года вышла замуж за профессора философии Вильгельма Траугота Круга, занявшего место Иммануила Канта после его смерти. Ответственный за прусские университеты государственный министр Эрнст фон Массов (1750—1816) сообщил Кругу в октябре 1804 года, что «место профессора философии в университете Кёнигсберга» вакантно. «Поскольку я ценю Ваши заслуги и убежден в том, что Вы можете быть полезны университету Кёнигсберга, я желал бы узнать от Вас, хотите ли Вы на указанных условиях занять пустующее место, о котором идет речь, или нет. Я прошу Вас дать мне определенный ответ» [3]. Поскольку место это не слишком хорошо оплачивалось, Круг сначала, насколько известно, отклонил это предложение, но позже, в августе 1805 года, получил предложение «прибавки к жалованию в размере 500 рейхсталеров из резервного фонда» [2]. В своей автобиографии Круг пишет, что он «счел лестным для себя идею стать преемником такого человека» [9, S. 106], так что поздней осенью 1805 года он вместе с семьей прибыл в город на Прегеле.

После своего возвращения из Франции Клейст уже многократно пытался тайно посылать Вильгельмине письма, которые, к сожалению, не сохранились. В Кёнигсберге, в светском обществе он снова встретил ее и ее сестру Луизу. Первый биограф Клейста Эдуард фон Бюлов описывает трогательную историю первой встречи: «После того как Клейст долгое время держался в стороне от своей бывшей невесты, он подошел к ее се-

стре... и пригласил ее на танец. Он говорил с ней мягко и сердечно, раскрыл ей свое сердце, обвиняя себя во всем, и спросил ее, не хотят ли они снова увидеть его? Сестра представила его своему зятю, который сам пригласил его к ним в гости, и так он вскоре стал приходить к ним ежедневно, читал им вслух свои небольшие, тогда еще не напечатанные рассказы и охотно выслушивал мнения о них» [12, S. 118].

Ведь хотя Клейст еще в феврале 1806 года с энтузиазмом говорил о своей чиновничьей службе и своих задачах, где-то полгода спустя он попросил предоставить ему отпуск. Он обосновал этот шаг постоянными болями внизу живота. В письме своему другу Рюле фон Лилиенштерну он признается в его истинных мотивах: «И вот снова назад, к жизни! Пока есть возможность, я буду теперь писать трагедии и комедии. <...> Ты знаешь, что я опять забросил свою карьеру. Альтенштейн, который не знает, с чем это связано, предоставил мне отпуск, а я принял его, но лишь для того, чтобы помягче выкрутиться из этой истории. Я хочу теперь зарабатывать на жизнь своими драматургическими работами» [7, S. 361—362].

Конечно, политическая ситуация тоже способствовала тому, что Клейст стал недоволен службой в прусском правительстве. После усовершенствования своих знаний в сфере государственной экономики он должен был работать во франкской палате, но зимой 1805 года наполеоновские войска, нарушив нейтралитет Пруссии, вторглись в Ансбах-Байройт, и в Шёнбруннской конвенции 15 декабря 1805 года прусский министр внешней политики дал согласие на передачу Ансбаха Баварии. Клейст резко критиковал малодушное поведение короля: «Почему король не созвал сразу, как только французы прорвались во франкские владения, все свои сословия, почему не открыл им в трогательной речи свое положение? Если бы он обратился только лишь к их собственному чувству чести, хотят ли они, чтобы ими управлял опозоренный король, или нет, разве не восстало бы в них нечто вроде национального духа?» — задавал он в первой половине декабря 1805 года вопрос своему другу Рюле фон Лилиенштерну.

Несмотря на свою заинтересованность государственными делами, Клейст уединился, жаловался на недомогание и боли, несколько недель пребывал на курорте в Пиллау, но лишь когда он закончил «Разбитый кувшин» и был уверен в том, что сможет написать и другие драмы, он сослался на болезнь, чтобы уйти со службы. В это время происходило одно событие за другим, но Клейст был на удивление хорошо информирован, в первую очередь, через Альтенштейна, который в декабре 1806 года прибыл в Кёнигсберг с другими беженцами. Наверняка от него он услышал и о королеве Луизе, о ее храбрости и решительности. «О нашей королеве я не могу думать без умиления. В этой войне, которую она называет несчастной, она заслужила большую славу, чем могла бы обрести за всю свою жизнь, полную мира и радостей», — писал он сестре [7, S. 367].

В то время как толпы людей из страха перед французами бежали на восток, а королевская семья переехала в Мемель, Клейст с прусскими офицерами Эрнстом фон Пфюлем, Карлом фон Говейном и Вильгельмом фон Эренбергом отправились на запад. В середине января 1807 года они покинули Кёнигсберг, чтобы пройти через Померанию в Берлин, вероятно намереваясь принять участие в восстании прусских патриотов. В Берлине Генрих фон Клейст попадает в военный плен, после освобождения в июле 1807 года он снова налаживает контакт со своим покровителем Карлом фон Альтенштейном. В конце 1807 года он посылает ему анонс своего журнала «Феб», а в начале 1809 года приветствует назначение Альтенштейна министром и обещает прислать ему манускрипт «Битвы Германа». Когда Клейст возвращается в Берлин, он становится частым гостем в доме Альтенштейна, так же как и в салоне финансового советника Штегемана и его супруги, с которыми он познакомился в Кёнигсберге.

Список литературы

1. *Berliner Abendblätter* / hrsg. von H. von Kleist; Nachw. und Quellenreg. von H. Sembdner. Wiesbaden, 1980.
2. *Brief* von [Julius Eberhard Wilhelm Ernst von] Massow an Wilhelm Traugott Krug, Berlin, 14.08.1805 // Besitz des Kleist-Museums Frankfurt (Oder).
3. *Brief* von [Julius Eberhard Wilhelm Ernst von] Massow an Wilhelm Traugott Krug, Berlin, 20.10.1804 // Ibid.
4. *Goldstein L.* Das Königsberger Kleist-Haus // Königsberger Hartungsche Zeitung. Morgenausg. 1932 Jan. 24.
5. *Hamann J. G.* Briefwechsel / hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden, 1957. Bd. 3.
6. *Hoffmann P.* Kleist-Arbeiten 1899—1943 / hrsg. von G. Emig und A. Pielenz. Heilbronn, 2010.
7. *Kleist H. v.* Werke und Briefe. B., 1995. Bd. 4.
8. *Kraus Ch. J.* Staatswirtschaft von Christian Jakob Kraus. 1. Th / hrsg. von H. J. von Auerswald. S. l., 1808.
9. *Krug W. T.* Krug's Lebensreise in sechs Stationen von ihm selbst beschrieben. Neue, verb. und verm. Aufl. Leipzig, 1842.
10. *Scheffner J. G.* Mein Leben, wie ich Johann George Scheffner es selbst beschrieben / hrsg. von J. Voigt. Leipzig, 1816.
11. *Schillers* Werke. Nationalausgabe. Bd. 41, I. Weimar, 2003.
12. *Heinrich* von Kleists Lebensspuren. Dokumente und Berichte der Zeitgenossen / hrsg. von H. Sembdner. Fr. a/M, 1984.
13. *Straubel R.* Biographisches Handbuch der preussischen Verwaltungs- und Justizbeamten 1740—1806/15. Bd. 1, 2. München, 2009.

Пер. с нем. А. Васкиевич